

АРТУР ВАЛЕНКЕВИЧ

Автобиография реалиста

Артур Валенкевич

Автобиография реалиста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37397632

ISBN 9785449339331

Аннотация

Брюс Нортон – успешный писатель, известный жестокостью и мрачностью своих произведений. Без книг он не может представить себя, они для него – смысл жизни... Теперь же его карьера находится под угрозой. Группа подростков совершает массовое самоубийство, вдохновившись произведениями Нортон. Из-за случившегося он может навсегда потерять возможность публиковать свои произведения. Находясь на грани отчаяния, Брюс анализирует свою трудную жизнь в попытке понять, остались ли у него силы всё исправить...

Содержание

1	5
2	7
3	12
4	13
5	19
6	22
7	27
8	29
9	33
10	37
11	40
12	44
13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Автобиография реалиста

Артур Валенкевич

Это произведение о том, кем я мог бы стать, кем я стал и кем я, возможно, стану вскоре. Не могу даже сказать, пишу я его для кого-то или скорее для самого себя. Но знаю одно. В каждой книге есть частичка меня. И конкретно в этой меня целый кусок.

Автор книги (я)

Ты теперь ещё и ругаешься в своих книгах?

Моя мама после прочтения

– А про меня мог бы и написать.

– Саша, Бетти – это и есть ты.

– Ой, правда? Это мило.

Диалог с моей девушкой после прочтения.

© Артур Валенкевич, 2018

ISBN 978-5-4493-3933-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Как же тяжело порой начать писать новую книгу. Ты сидишь перед абсолютно пустой страницей и её надо заполнить каким-нибудь текстом. Причём желательным таким, чтобы он нравился тебе самому и твоим читателям. Второе даже важнее, ибо второе приносит денюжку.

Эта мысль каждый раз посещала голову Брюса Нортон, когда он откидывал крышку своего фирменного ноутбука фирмы «Hewlett Packard», запускал его, включал программу для создания текстовых документов и сидел перед белым экраном. Он ожидал, что клавиши начнут словно по волшебству стучать и создавать нечто новое.

У Брюса всегда вертелась какая-нибудь идея в голове, но чести превратиться в полноценное произведение удавалось далеко не каждая. И дело было даже не в том, что Нортон был плохим писателем – нет, по мнению критиков он был писателем терпимым, по-своему же мнению (и мнению многих читателей, что не могло не радовать) – достойным.

Проблема заключалась в том, что порой было попросту невозможно сесть и сосредоточиться на чём-то одном. Начиная писать один сюжет, Брюс его бросал и переходил к другому (так он начинал писать детективный роман, а заканчивал уже фантастическую повесть), менял героям характеры и имена, резко обрывал повествование и переводил его в со-

вершенно иное русло. Он абсолютно не переживал насчёт того, чтобы довести главу до логического завершения и сразу же переходил к другой, более интересной по его мнению. Самое большее, что он мог сделать – написать в конце какие-нибудь слова без особого смысла, чтобы создать иллюзию завершённости.

Кстати, об этом.

2

– Брюс, чёрт возьми, когда ты наконец допишешь ту религиозно-фантастическую серию про ангелов?

– Сколько раз тебе ещё повторять, Баки, там не про ангелов, а про людей, выполняющих функции ангелов, это совершенно разные вещи.

– Да мне пофиг, пусть там будет хоть про чёртиков-наркоманов с Улицы Роз, люди ждут продолжения уже пять лет, Брюс. Имей совесть.

Баки Стивенсон был литературным агентом Нортонa с тех самых пор, как Брюс вообще узнал значение слов «литературный агент». Баки отвечал за распространение всего, что вышло из-под пера (скорее клавиатуры) Брюса, за издательство, за защиту литературных прав. Он же устраивал встречи с фанатами, делил пополам прибыль и доставал травку для Нортонa, когда у того «вот столечко не хватало для развития хорошей мысли». Наверное, Брюс смог бы назвать Баки другом, если бы у писателя вообще были друзья.

– Баки, ты задолбал. Это не так-то легко сесть и написать нормальное продолжение для нормальной серии книг. Тут тебе не мячик пинать на футбольном поле, тут думать надо.

– И что ты опять прикопался к футболу? Неужели он тебя настолько раздражает?

– Меня вообще бесит, когда взрослые люди ведут себя как

кретины. Выбегает значит восемь...

– Их там одиннадцать, друг.

– ...человек на зелёную травку с шариком поиграться.

И швыряют его от одного к другому, от одного к другому, а несколько сотен миллионов бездумно за этим наблюдают. Чем тебе не антиутопия в современных реалиях? В самом деле, лучше бы уделяли всё это время искусству.

– Брюс, а чем тебе футбол не искусство? Ты хотя бы смотрел ту подборку 10 лучших голов прошлого года, которую я тебе скидывал?

– Смотрел. – Нортон откинулся на стуле и немного прикрыл глаза. – Это и правда было красиво.

– А я тебе о чём говорю? Что ты мне сейчас пытаешься доказать?

– Я пытаюсь доказать, Баки, что ты сам себе этим и противоречишь. Сколько там мячей нереально классно забили в прошлом году? Десять? Пусть их даже будет сто. В масштабах всего мирового футбола – это ничто. Да и вообще, какой резон тратить два часа...

– Матч длится полтора.

– ...своей жизни в ожидании увидеть один-два красивых гола? А сколько игр заканчивается со счётом «ноль-ноль»? В искусстве ты такого не увидишь. Футбол, баскетбол, хоккей – любую спортивную игру ты наблюдаешь в прямом эфире. Садись, расстегиваешь ремень, чтобы не мешался, смотришь. Ещё смотришь. И ещё. И вот игра заканчивает-

ся – и ничего не произошло, совсем ничего.

– Ну, такое тоже периодически бывает. И, к сожалению, довольно часто, – Баки почесал голову, понимая, что его аргументы иссякают. Чаще всего он бывал прав, но, когда Брюс затрагивал тему спорта – переспорить его было попросту невозможно.

– А в искусстве такого нет. Там ты видишь уже доведённый до ума итог. И не так важно, хороший он или плохой – он *окончательный*. Создатель вложил в него всю душу и представил зрению общественности. И в любом случае, им повезло – они не наблюдали кучу времени, как творец пытается создать *нечто*, но у него ничего не выходит. Представь себе писателя, который на глазах миллионов людей полтора часа пытается попасть пальцами по клавиатуре, но в конечном итоге всегда это делает мимо.

– И тыкает себе в глаз. Слушай, но всё же искусство и спорт – это разные вещи... Хотя в чём-то ты прав, согласен.

– А я тебе о чём? – Брюс пропустил мимо ушей всё, кроме последней фразы. – Ты никогда не видишь *процесс* в искусстве, ты наблюдаешь *результат*. Вот поэтому твоё видео из серии «топ-10 лучших футбольных голов» и выглядит неплохо – там обрезали всё ненужное и оставили самую изюминку. Никто не будет смотреть, как рисуют «Мону Лизу», все захотят увидеть по итогу те самые её глаза.

– А вот тут ты совершенно неправ. То, что ты сейчас описал, в современном искусстве называется «перформанс».

Мол, ты можешь лицезреть, как создаётся шедевр – я по телику слышал.

– Знаю я эти перфомансы, недавно в Интернете смотрел. Безрукая художница-нудистка создавала свой очередной шедевр. И, поверь, кисточку она держала далеко не ртом.

– Ладно, что-то мы отвлеклись от темы. Брюс, ты разве не понимаешь, что твоим читателям всё равно, *какое* будет продолжение твоих книг. Их интересует, *когда* оно будет. Это законы современного мира, ты думаешь, почему все так обожают сериалы да мыльные оперы, – Баки в очередной раз затянулся сигаретой. Рак лёгких его явно не пугал. Да и правильно, какой может быть рак, когда у него и лёгких то практически не осталось из-за принципа «я не курю больше пятидесяти сигарет в день».

– Но мыльные оперы на то и мыльные, чтобы писаться на коленке в перерывах между съемками и походами в туалет режиссёра. Когда люди смотрят этот кинопродукт, они не думают. Они тупо пялятся в монитор, чтобы расслабить голову. Ну или включают эту хрень на фон, чтобы что-то шумело, пока они целыми днями убирают и пытаются не прибить своих детей. Я же создаю только качественные вещи, заставляющие людей думать, – Брюс лукавил, и Баки прекрасно знал это, чем и не преминул воспользоваться. Всё-таки надо было отомстить за футбол.

– Вы гляньте! Мистер Интеллектуал собственной персоной! Тогда скажи, какой глубинный смысл у тебя заключён

в одной из твоих последних повестей. Как там она, «Естественная нужда»?

– Смотри, там...

– Там чувак просто пьёт свою кровь. Он *просто* пьёт кровь, потому что у него нет ни капли воды и больше ему ничего не остаётся. Что ты тут нашёл такого, что заставляет подумать?

– Я показал человека, который оказался в безвыходной ситуации и пытается не сойти с ума от осознания того...

– От осознания того, что ты сейчас оправдываешься. Оправдываешься, оправдываешься, бе-бе-бе.

Ничего не сказав, Брюс с улыбкой показал Стивенсону средний палец, хотя по сути тот был прав. И почему он так часто прав.

3

Единственное, что радовало Брюса Нортонa: в этот раз он точно знал, о чём будет писать. И воспоминания о Бетти в этот раз не будут его отвлекать, хотя в обычное время делали это постоянно. Писателю, конечно же, очень хотелось верить, что это сама Бетти Бакстон думает о нём и проникает в его сознание, чтобы напомнить о самой главной ошибке в его жизни.

Но Брюсу было тридцать три года, и он прекрасно понимал, что телепатии не существует. Невозможно заставить человека помнить кого-либо, как и невозможно заставить его забыть кого-то. Все люди, даже оказавшие на твою жизнь самое незначительное влияние, остаются где-то там, в глубине сознания и ждут момента, чтобы напомнить о своём существовании. Словно хотят дать тебе понять, что ты стал тем человеком, которым стал (за такую тавтологию хороший писатель сделает из тебя обложку для новой книги) исключительно благодаря их помощи.

Для Брюса, к примеру, таким человеком была рыжая сучка из экзаменационной комиссии.

4

Хотя этот факт умалчивался в большинстве биографий Брюса Нортонa, писатель так и не получил высшего образования. К причинам этого поступка мы вернёмся позднее, а пока что попробуем вместе с вами представить такую ситуацию.

Вы – юноша девятнадцати лет от роду, только-только закончивший школу. Ваши финальные экзамены прошли для вас не слишком успешно, но вас это не беспокоит – в университет вы идти не планируете. На дворе лето, вы лежите на кровати и грезите о том, как через несколько лет каждый человек в городе, да что уж там, в целом *мире* будет знать, кто вы такой. Вы напишете и сможете издать столько бестселлеров, что любой популярный писатель захлебнётся из-за зависти своим же ядом. Но всё это – в будущем.

Пока что же, вы – обыкновенный парень по имени Брюс, который мечтает обо всём этом, но ничего для этого не делает. В ящике у вас лежат несколько десятков текстов разной степени готовности, но довести хоть один из них до ума у вас не хватает терпения. Как только вы берёте в руки любой из своих пыльных рассказов, вас охватывает паника.

Всё! Это конец! Идей нет! Развития нет! Ладно бы только у персонажей его не было, так развития и у меня не наблюдается! Какой смысл продолжать, если это никому не понравится!

вится!

И вы кладёте незаконченную работу обратно в ящик, ложитесь обратно и вновь погружаетесь в свои грёзы. Попробовали представить? Отлично, теперь немного усложним ситуацию, в жизни ничего не бывает простого.

Поскольку вы, к сожалению, не робот, а живой человек, вечно на кровати вы существовать не можете. У вас есть мама по имени Норма, у которой вы спокойно сидите на шее, и любящая девушка Бетти, которая сейчас повторяет биологию – через месяц у неё вступительные экзамены. Но не переживайте, с ней вы увидите попозже. Сейчас же вы контактируете только с матерью, поскольку не хотите выходить из дома. Но рано или поздно это надоедает и ей.

Норма Нортон заходит в вашу комнату и обращается к существу, скрюченному на кровати в позе эмбриона, то есть к вам. Она говорит:

– Брюс, и долго ты собираешься так лежать?

– Мама, – отвечаете вы, – а что мне делать? Ребята заняты поступлением, а ты знаешь, что я это делать всё равно не собираюсь. В нашем городе можно нормально выучиться либо на строителя, либо на программиста. Программировать я не умею, а строить...

– А вот строить ты прям мастер, угадала? – она улыбается, глядя на вас, и вас это немного задевает. Она не имеет в виду ничего плохого, но вам не понравилось, *как* она это сказала.

– Нет, просто у меня руки кривые, – после этих слов вы

отворачиваетесь к стенке, показывая свою гордость. – Мама, я найду нормальную работу после лета, сейчас есть максимум подработка для школьников. Ты знаешь, голова у меня на месте, и я найду своё место под солнцем.

– Под солнцем тебе жарко будет, родной. А вот под крышей что-либо делать гораздо легче.

Она тыкает вас в плечо, вы поворачиваетесь к ней и видите, что она протягивает вам распечатанный буклет об университете писательского мастерства. До этого вы его не замечали, поскольку дальше своего эго отказывались вообще видеть что-либо.

Пролистав его, вы загораетесь этой идеей. Вы никогда не слышали о подобном учебном заведении, да и не интересовались, есть ли вообще такое. А эта женщина, стоящая перед вами, женщина, которая дала вам жизнь, и которая постоянно работает ради вашего безбедного существования нашла время и сделала вам сюрприз. Вы чувствуете себя ничёмным идиотом и подскакиваете её обнимать – это выглядит так по-голливудски, но это то, что вам сейчас нужно.

Тем не менее, в жизни не всегда случаются хэппи-энды. В качестве вступительного экзамена необходимо принести ваш лучший рассказ на вольную тему – и вы делаете это. Перед этим долго редактируете его, исправляете разные моменты, словом, полируете до блеска.

Наконец настал долгожданный день. Вы в аудитории, чувствуете себя просто превосходно. Вы с улыбкой протягиваете

те рассказ члену экзаменационной комиссии и тут же улыбка гаснет.

Вы наблюдаете, как незнакомая вам женщина кривится, прочитав только первый абзац. Вы понимаете, что она ещё даже не успела вникнуть в суть вашего рассказа, но он ей уже не понравился. Не дочитав его до конца, она протягивает вам листы обратно и говорит, что вы не можете быть приняты в университет. Без объяснения причин. Она с вами даже не прощается.

По возвращению домой вас охватывает паника. Всё! Это конец! Эта рыжая тварь испортила мне всю жизнь! Зачем я вообще пошёл туда! Я никчёмный писатель!

Вы пытаетесь злиться конкретно на неё, сосредотачиваетесь на ней, но кроме её рыжих волос ничего не вспоминается. Вы даже её лицо толком не запомнили, не говоря уже об имени. Так что теперь ваша агрессия направлена на себя самого. В таком состоянии вас застаёт мать.

– Я всё понимаю, Брюс, – вы сами ей позвонили по телефону и отчитались, прежде чем начать психовать, – постарайся успокоиться.

– Как я могу быть спокоен, когда одна стерва испоганила мне всё, чего я только хотел добиться!

– Брюс, ещё пару недель назад ты знать не знал об этом университете. Если бы я так относилась ко всему, что со мной случалось в жизни – *все* мои нервные клетки были бы уже давно уничтожены. Вот скажи честно, что такого

страшного произошло?

– Мне всё испортили! Я уже всё решил, понял, как буду жить ближайшие несколько лет. И тут...

– Извини, что перебиваю, дорогой, но тут ты в корне неправ. Планировать всё заранее это конечно очень хорошо, но важную, нет, даже *огромную* роль играет человеческий фактор. Он может порушить все планы в один миг – и ты ничего с этим не поделаешь.

На секунду ваш гнев будто бы пропадает, и вы хотите понять, что же она имеет в виду.

– В каком смысле «человеческий фактор»?

– Брюс, я полтора отработала с одним выходным вместо двух ради повышения. Мне его дали? Нет, его дали моему коллеге, поскольку он прекрасно подлизывался к начальству. Охватила ли меня тогда паника и обида? Конечно же да. Но со временем я поняла, что в любой ситуации можно найти положительный момент.

– И какой тут *мой* положительный момент?

– Ты понял, что все твои стремления могут быть уничтожены благодаря человеку, которого ты видишь в первый и последний раз в жизни. Всё, что тебе остаётся – прийти в чувство и искать другие способы, как продолжать жить в этом несправедливом мире. Пойми, теперь, если подобное когда-либо повторится, ты знаешь, что делать. Ищи положительный момент, Брюс. Он всегда есть.

Слова мамы производят на вас впечатление, и вы успока-

иваетесь. Теперь вы уверены в себе как никогда: вы найдёте иной способ, чтобы мир о вас узнал. Рано или поздно, но вы прославитесь и достигнете всех своих целей.

Представили? Отлично, мы подходим к концу. Теперь попробуйте ответить на главный вопрос, ради которого мы и затеяли этот мысленный эксперимент.

Вернёмся в личность Брюса Нортонa. Прошли годы, вы стали успешным писателем и давно поняли, насколько та рожая дура была неправа. Конечно же вы не простили её, но зато стали ей благодарны – ведь именно мерзкое выражение её лица подталкивало вас улучшать каждое ваше произведение. Писательство стало неотъемлемой частью вашей жизни, и вы без него не можете существовать.

И в один прекрасный день раздаётся телефонный звонок. Вас приглашают в полицейский отдел по расследованию самоубийств, поскольку из-за некой трагедии, произошедшей на днях, ваша карьера находится под угрозой. Вам не объясняют, что случится, но чётко дают понять, что вы можете лишиться самого ценного, что есть у вас – свободы творчества.

Сможете ли вы здесь найти положительный момент?

События, которые имели действие в полицейском участке, оказали большое влияние на судьбу Брюса Нортонa, но сейчас даже они его не волновали. Сейчас его интересовало исключительно одно – идея.

Идея сформировалась полностью у него в голове и выглядела органично в его сознании. Теперь оставалось только поместить её на бумагу.

Для многих знакомых Нортонa тот факт, что в книги необходимо вкладывать душу, оставался загадкой. Со стороны это для них выглядело неким капризом, ведь совсем несложно сесть и создать новое произведение. Тем более, в чём проблема, если ты полностью продумал то, что будешь писать, от начала и до конца.

В принципе, Брюс был согласен с этой мыслью, однако многие люди не учитывали такой интересный фактор, как *погружение*. Брюсу, чтобы написать новую книгу, необходимо было полностью *погрузиться* в неё, войти в кураж, если говорить простыми словами. Если этого не случилось, то книга рисковала так и остаться незаконченной и перейти в папку «Наброски».

Но в этот раз такого бы не случилось. Брюс настолько был поглощён работой, что даже не услышал характерный треск. Этот треск раздавался только тогда, когда зарядка ноутбука

из-за натяжения расходилась на две части. Батарейку в компьютере Нортон обещал себе поменять уже четвёртый год, но никак не мог донести компьютер в ремонт, ведь новые произведения могли быть написаны *только на нём*. Возможно, это потому что там внутри жила муза, Брюс этого не знал. Знал он только, что этот компьютер – его сокровище и умрёт только вместе с ним.

Когда экран ноутбука погас, Брюс выругался из-за собственной невнимательности, понимая, что теперь пару-тройку абзацев придётся воссоздать. Слегка треснув кулаком по сокровищу, он соединил две половинки зарядки обратно, и погрузился в раздумья.

Иногда знакомые доводили его до такой степени, что Брюс еле сдерживался. Когда ему в очередной раз говорили о том, что написать книгу может любой дурак, Брюсу очень хотелось схватить человека и прокричать в лицо: «Да, твою мать, совсем легко написать новую книгу. Это же не пахать сутками в офисе или грузчиком работать, да что уж там, нам писателям вообще думать не обязательно! Ведь не надо прорабатывать сюжет, использовать „вкусненько-литературные“ слова, не режущие слух. У героев может быть один непрописанный характер на всех. Да и за повторами тоже следить совсем не нужно, ведь люди спокойно смиряются, когда какого-нибудь персонажа восемь раз называют одинаково в одном предложении!».

Но вместо этого он лишь слегка улыбался и говорил: «Я

с вами не спорю. Мне многие говорят, что писать книги – это очень легко».

Сказать проще, чем сделать. Будущий писатель знал об этом с детства.

6

Писать книги Брюс начал довольно рано, лет с семи, хотя его мать и ни раз замечала, что способности у него проявлялись чуть ли не с рождения. Пару раз она шутила, что он вылез из неё с ручкой и бумажкой в руках, чем изрядно удивил врачей. Нортон искренне хотел верить, что это было не так.

Его писательская карьера началась с маленького рассказа, где толпа милых зайчиков сначала загнали в угол, а потом забили насмерть морковками тётушку Мэй, а потом съели своё лакомство. Морковку, разумеется, а не тётушку, хотя сейчас, имея на плечах весь свой писательский опыт, Брюс скорее бы написал, что сожрали именно её.

Тётушка Мэй не имела ничего общего с милым созданием из комиксов и фильмов о Человеке-пауке. Это противное существо считало, что весь мир проклял её ещё до того, как она сделала свой первый шаг. Посвятив всю жизнь карьере, она имела достаточное количество денег, чтобы всё свободное время тратить на себя и свои развлечения. Иногда она заезжала в гости к Норме и тогда делала хоть одно доброе дело: делилась деньгами со своей сестрой и племянником, у которых с этим было туговато. Тем не менее, она это не делала бескорыстно, ведь не было ни одного семейного ужина, чтобы она не припоминала это. Тётушка искренне верила, что за те несколько сотен, что она предоставляла, ей должны

быть все обязаны.

Кроме того, Мэй невзлюбила Брюса ещё до его появления на свет, поскольку, видите ли, она считала, что его матери Норме следовало сделать аборт, а не рожать на свет отродье Билла Стейнбейка. Не потомка – отродье. Она считала Билла кретином, и поэтому была уверена, что её священная миссия – остановить производство кретинов в мир. Мэй радовало лишь то, что её сестра не успела выскочить замуж за Стейнбека.

Частично она была права, Билл Стейнбек и правда был кретином. По словам Нормы, не найдя время лучше, чем месяц спустя после рождения сына Брюса, он торжественно объявил ей, что уже как три месяца трахается с Дженнифер, работавшей неподалёку в магазине фруктов. Поскольку он вряд ли это делал только ради того, чтобы купить бананы подешевле и таскать их для новорожденного ребёнка, Норма сделала то, чего Билл и сам хотел: выставила его за дверь, вручив ему зубную щётку и пиццу, которую он не доел.

Для безработного Билла слово «алименты» было понятием из романов Айзека Азимова или Рэя Брэдбери и вполне могло быть названием для планеты, населённой пришельцами, но уж никак не могло быть выплатами для собственного сына. Воспользовавшись возможностью, он полностью повис на шее Дженнифер и в жизни Брюса появился только спустя тридцать с лишним лет. Но об этом позже.

Если бы жизнь Брюса Нортонa можно было описать как

финишную прямую, то стартовал он не очень уверенно. Тем не менее, нельзя сказать, что он хоть в чём-нибудь нуждался. Мать всегда находила возможность достать деньги, им периодически помогали дальние и близкие родственники, поэтому Брюса нельзя было назвать несчастным ребёнком.

По крайней мере, так было до того, как он нашёл любимое дело, которое в итоге стало призванием его жизни. Вот тут-то и начались проблемы. Когда окружающие люди видят, что что-то, даже неважно что, у кого-то выходит просто из рук вон замечательно, а они сами ни черта этого не умеют, они себя чувствуют не очень хорошо.

А если говорить по правде, то они себя ощущают ущербными мудаками. Они сидят, слушают как соседский пацанёнок исполняет на пианино какую-нибудь сороковую симфонию Моцарта, которая вообще до этого игралась на скрипках, и исполняет так, что захватывает дух. Они подходят к нему и говорят: «Ну ты не расстраивайся, всё у тебя в итоге получится». А он и не расстраивался. Он охеренно сыграл. А после таких «прекрасных» мыслей, казалось бы, близких людей, он разочаровывается в себе. К сорока годам вы уже не узнаете в типичном менеджере среднего звена когда-то талантливого и перспективного ребёнка.

Нельзя сказать, что Нортон никогда не завидовал или же не думал о том, что вот, у него всё классно, а у меня так не выходит. Поэтому он не мог ходить в оперу или на художественные выставки – по возвращению домой Брюс то пы-

тался петь в душе, что выходило не очень, то пытался нарисовать «шедевр на уровне Леонардо Да Винчи», а по факту выходил «шедевр на уровне фигового сюрреализма в стиле «глаз в ухе, ухо в спине», ибо руки из задницы никто не отменял. Тем не менее, по злому он никогда не завидовал и не пытался пресечь чьи-либо попытки добиться успеха. Даже если эти попытки были заведомо провальными.

Как, скажем, были бесполезны потуги его мамы Нормы, которая желала найти для сына нового папу. Ему вполне хватало и того, что он и старого периодически видел в окне неподалёку от дома, ведь фруктовый магазин так куда и не исчез. Кстати, периодически в руках отца он видел бананы, так что мысль об экономии перестала казаться совсем уж безумной. Потом, правда, магазин закрыли, и отец с Дженнифер куда-то переехали. Нортону не было дела, куда они конкретно делись – он с ними никогда не общался и начинать не планировал.

Не суть. Если не считать каляки-маляки, которые Брюс искренне лет до семи считал своими первыми книгами, что-то по-настоящему оригинальное (сразу же после рассказа о зайчиках-убийцах) он написал в девять лет. Это была повесть о мальчике-детективе, и Нортон был искренне ею доволен, ведь на тот момент он воспользовался всем своим обширным безграмотным языком и мозгом, и описал в этой книге всё то, о чём сам мог только мечтать.

И больше всего его удивило то, что несмотря на «долгую»

работу в полтора дня (а ведь в детстве кажется, что время тянется намного медленнее), в школе никто по достоинству не оценил его первое творение. Понятное дело, мама похвалила. Но мамы они на то и мамы, чтобы всегда и во всём поддерживать своё дитя. Не считая убийств, изнасилований, воровства и просмотра тупых и бессмысленных комедий, разумеется.

Нет, тогда в школе он впервые столкнулся с тем, что многие люди склонны считать вселенской несправедливостью, трудным испытанием от бога или же человеческой завистью. Сам Брюс мог всё творившееся в тот конкретный момент описать одним только словом, если бы знал это слово в свои тогдашние девять лет.

Это был пипец.

– И тем не менее, мы не договорили. Вот сколько я знаком с тобой, я никогда не понимал, что тебе мешает довести начатую книгу до конца? – отпив немного пива, Баки решил вернуться к предыдущей теме разговора.

– Слушай, если ты опять за серию «Ангельское столетие», то я ещё даже не приступал к написанию. И да, я знаю, что пять лет ждут, отстань, – откинувшись на спинку дивана, Брюс начал размышлять о том, чем бы ему заняться помимо разговора с агентом. Его руки и пальцы были в постоянном движении – привычка писателя. Девушек это тоже более чем устраивало.

– Да я сейчас даже не про неё говорю. У тебя в папке на компьютере валяется штук тридцать набросков книг, которые ты начинал писать и не закончил, – поймав взгляд Нортон, Стивенсон продолжил: – и не делай такой удивлённый вид, ты мне как напьёшься каждый раз об этом рассказываешь. Не знаю, зачем ты вообще это хранишь в тайне. Так почему?

– Не так-то просто довести идею до своего логического завершения. Вот, допустим, ты (хотя кого я обманываю), я взял и придумал персонажа. Предположим, мальчика. Он живёт в доме, и у него есть брат, брат этот даун. Не в том смысле, что он идиот, нет, не будем обижать больного на голо-

ву ребёнка. Вот, есть два персонажа, они должны что-то делать. Вот только что? Явно не песни петь как в диснеевских мультфильмах. Да, и сюжет «Человека дождя» тоже не бери во внимание. Плагиат нам не нужен.

– Ну хорошо, следуя твоей старой привычке, пусть кто-то из них убьёт другого. Ну или их кто-то убьёт. Развивай идею, Брюс, – Баки подмигнул своему полу-клиенту и полу-другу, но Брюс даже не заметил этого – сейчас он перешёл в состояние лёгкого напряжения.

Брюс ненавидел, когда кто-то затрагивал тему кровавости и жестокости его произведений, по его мнению, этому уделяли слишком много внимания. Тем более, что во время его визита в полицию там только об этом и говорили, поэтому обсуждать эту тему по десятому кругу Нортон не хотел. Он слишком устал.

И в этот момент в его мысли опять вернулась Бетти. Он прекрасно помнил, как часто она его ругала за то, что у него мало позитива в книгах. Тогда его это не раздражало. Тогда это было приятно.

8

С Бетти они жили три года – незначительный срок в рамках всей жизни Брюса Нортона, всего одна одиннадцатая его существования.

Однако нет ограничений по продолжительности счастья. Розе из «Титаника» хватило нескольких дней, чтобы испытать чувство искренней любви и поменять своё отношение к жизни. Правда, ей ещё понадобился для этого один затонувший корабль, но это не так важно. Брюсу хватило недолгой прогулки с Бетти Бакстон, чтобы понять, что она – уникальна.

Тогда она только-только перешла к ним в школу. Это был последний год, год экзаменов, и, хотя всем было непривычно видеть новое лицо в выпускном классе, все были заняты подготовкой к майским тестам и на неё никто не обратил внимание. Благо, Брюс Нортон забил на всю подготовку и поэтому сумел увидеть то, что видишь довольно редко в нашем паршивом мире.

Красоту. Бетти была редким сочетанием красоты внешней и красоты внутренней – каждый её поступок, каждое её движение вызывали у Брюса улыбку. Она была довольно скромной, поэтому Нортону пришлось постараться, чтобы узнать её получше и понять, что ей нравится.

После небольшого разговора на улице (позже она это на-

зывала лёгкой прогулкой, а он – первым свиданием) выяснилось, что Бетти была без ума от литературы. Именно этим он и решил её покорить. Тем более, что у него как раз кое-что было на примете. То, что сможет её удивить.

Дав ей прочитать свою первую повесть «Репутация», Брюс понял, что немного ошибся с выбором. По лицу Бетти нельзя было однозначно сказать, понравилось ей или нет, но её недоумённый взгляд нельзя было отнести к положительной реакции.

– Брюс, я конечно слышала в школе, что ты пишешь книги, от которых все немного в шоке, но *такое...* Нет, пойми, книга хорошая, просто она..., – пока она подбирала слово, Брюс закончил сам.

– Жестокая.

– Вот именно, Брюс! – Бетти улыбнулась, и Нортон понял, что не может на неё злиться. Но и не поспорить он тоже не мог.

– Ну почему вы все считаете, что то, что я создаю – мерзко, ужасно, жёстко и прочее. Я что, должен писать только о розовых пони на голубых радугах, чтобы все посчитали меня хорошим писателем?

– А никто тебя и не считает плохим писателем. Ты пишешь о плохом, но плохим тебя это не делает, – она положила листки с текстом на колени и теперь смотрела своему будущему парню в глаза. – Просто в жизни такого не бывает.

– Ты хочешь сказать, что убийства, предательства и ма-

ньяки бывают только в книжках?

– Нет, но, к счастью, в реальности они не появляются в таком количестве, как у тебя. У тебя в *каждом* абзаце «Репутации» сосредоточено максимальное количество депрессивности и боли. И, раз я не одна так считаю, значит в других твоих произведениях то же самое. Я же права?

Брюс почувствовал тепло на своих пальцах – самая прекрасная девушка в мире впервые взяла его за руку. И сделала она это с максимальной степенью нежности – до этого к Брюсу так относилась только его мама.

– Мне действительно понравилось то, что ты написал, Брюс. Но добавь немножечко позитива. И юмора. А я тебе покажу, где их можно отыскать, обещаю. Даже маньякам не обязательно быть в твоих книгах настолько мрачными.

Рассмеявшись, Брюс неловко обнял Бетти, на что она так же неловко ответила. Однако в тот момент они не обращали внимания на глупые мелочи – им было действительно хорошо вместе. Менее чем через неделю они начали встречаться.

В каком-то смысле Бетти Бакстон смогла повлиять на Нортон – сюжеты его книг стали менее мрачными, но по-настоящему позитивного он ничего не смог написать. Тем не менее, после каждой прочитанной его книги, она советовала ему смотреть на мир с большим оптимизмом и однажды к нему придёт светлая идея.

Спустя пару лет так и случилось. Брюс вроде как отыс-

кал гармонию и начал писать комедийный роман, но идея не смогла развиваться дальше семи страниц и плавно перешла в папку «Наброски». Брюс не до конца понимал, почему не может закончить книгу, но через некоторое время ему всё стало ясно.

Нельзя сосредоточиться на юморе, когда твои отношения трещат по швам.

Никто не погладил Брюса Нортон по головке, когда этот в целом интересный маленький человек на классном часу представил своё первое произведение на зрение общественности. Дело было не в том, что что-то не понравилось детям, о нет. Брюс в принципе всегда считал людей своего возраста крестинами. В тот момент, когда его одноклассники только-только отучились есть свои козьявки, Нортон уже выучил слово «многочлен» и даже отучился смеяться с него.

Нет, вся проблема была в *ней*. У Артура Конан Дойля была *Та Женщина*, которая вызывала трепет в душе Шерлока Холмса. *Эта женщина* вызывала лишь огонь в заднице Брюса Нортон и всех адекватных людей, коих, увы, было довольно мало. Этой женщиной была учительница его младших классов Жанин Людорф.

С момента окончания школы прошло уже много лет, но никто, никто из учителей не запомнился Брюсу так, как эта стерва. Ничьё имя он не мог уже вспомнить, кроме имени этого существа. Почему-то наша память именно так странно и работает: плохие моменты, моменты своего стыда мы запоминаем с минималистической точностью, но мы не можем вспомнить, как познакомились со своим лучшим другом. Хорошие моменты уходят очень быстро, плохие остаются в памяти надолго. И Нортон очень боялся, что на смерт-

ном одре к нему явится образ миссис Людорф.

По правде говоря, её и «миссис» то звали за выслугу лет, а не потому, что она когда-либо была замужем. Эта сука никогда не имела мужа, и это было не удивительно. Ибо человек, который захотел бы её трахнуть, был бы или придурком, или очень смелым творением господ.

Кроме того, что она была француженкой, обожала деньги и ненавидела детей, про неё нельзя было сказать вообще ничего. Даже приложив все усилия, Брюс не смог бы сейчас вспомнить её внешность. По сути говоря, он вообще не понимал, когда в книгах или ещё где бы то ни было и нудно описывают внешность героя. «На нём были тёмные лакированные туфли, припудренные тальком, а на его светлых волосах поблёскивали лучики солнца...». Кому вообще не похер, как выглядел второстепенный герой, который появляется на трёх страницах? Если читатели захотят его представить, они его вообразят так, как пожелает их мозг. Никто не будет сидеть и подбирать параметры. Поэтому даже при описании самого себя Нортон скорее опирался на фотографии, ибо кто знает, на кого ты похож в данную конкретную минуту.

Когда какой-нибудь обеспеченный родитель, имеющий тупого ребёнка хотел, чтобы к его сыночку/доченьке относились как к королю/королеве, он приходил к классному учителю миссис Людорф, совершенно невзначай забывая небольшой конвертик у неё на столе и на следующий день в ходе

урока этот ребёнок становился золотым. Его хвалили даже за то, что он спал на парте, а другие дети получали хорошие оценки, если в течение дня проявляли по отношению к нему ласку и заботу.

Коррупция? О нет, такого слова не существует на задворках нашей великой страны! Это называлось щедростью. Родитель щедро поделился с учительницей его ребёнка, а миссис Людорф в свою очередь не обделила директора этого замечательного учебного заведения. А другие же родители тоже хотят хорошего отношения к дитятке, так? Несите денюжку. А тех, кто не несёт денюжку, мы будем гнобить. Что, Норма Нортон, у тебя нет денег на поддержку нашей школы? Ай-яй-яй, нехорошо. Как только мне представится случай, Брюс пожалеет, что ты не сделала аборт по совету своей сестры Мэй.

А случай представился. Миссис Людорф, до этого не замечавшая мальчишку Нортон, любезно разрешила ему прочитать своё первое творение перед всем классом. Гордый собой, маленький Брюс целых двадцать минут чувствовал себя на вершине мира, читал многозначительно, с паузами, вёл себя так, как вели умные люди из телевизора.

Когда Нортон закончил, по глазам одноклассников он видел, что им всё понравилось. Даже миссис Людорф улыбалась. И казалось, что всё хорошо, до тех пор, пока её улыбка не переросла в смех. А за ней засмеялся и весь класс, ибо редко кто не повторял всё за своими учителями. Почти

каждый намеревался заслужить их похвалу и показать себя взрослее, чем ты есть на самом деле.

Сквозь истеричный смех у Жанин Людорф прорывались различные слова вроде «детский сад», «это же смешно», «ужас какой», «дерьмо». Последнее слово она часто не стесняясь произносила при детях, показывая при этом свой ужасный французский акцент, заостря внимание на букве «р». «Дерррьмо». «Ты дерррьмо, Брюс Нортон».

Брюс выбежал бегом из класса, прикрывая лицо руками. Тот день был первым из трёх в жизни Брюса Нортон, когда он плакал.

Больше Брюс Нортон никогда не читал книги перед своими одноклассниками. Но тем не менее, он и не бросил писать новые произведения, хотя и был небольшой порыв.

По возвращению домой в тот злополучный день, Брюс продолжал плакать и выбросил свою первую книгу в мусорную корзину. Он бегом поспешил в ванную, поскольку знал, что в этот день в гости должна была заехать тётушка Мэй. И он точно не хотел, чтобы она видела его в таком состоянии.

Умные дети всегда знают, когда к ним не очень хорошо относятся. Младенцы, находясь рядом с плохими людьми, начинают громко плакать, дети же постарше просят увести их от плохой тёти или дяди. Брюс не знал значений слов «аборт» и «выродок», но часто слыша эти слова от тётушки (особенно в те моменты, когда она перебарщивала с вином и переходила на откровенности с его мамой), и то, как она их произносила, он понял, что они уж точно не несли положительного значения. А значит, и сама Мэй явно не несла положительных эмоций.

Но умывшись и вернувшись в комнату, Нортон понял, что он опоздал. Судя по всему, выкидывая окурок сигареты, Мэй нашла его выброшенную рукопись и теперь сидела, и читала, как ему показалось, вторую страницу.

Уверенным шагом Брюс подошёл к ней и произнес чёт-

ким, пусть и дрожащим голосом:

– Отдай, – Брюс протянул руку, пытаясь забрать свой первый позор.

– Это ты написал? – в глазах тётушки был огонёк интереса.

– Да, я, отдай.

– Почему ты это выкинул, дурак? И почему глаза красные?

– Отдай мою книгу. Сейчас же.

Тётушка Мэй резко встала со стула и на какое-то мгновение Брюс испугался, что она сейчас его ударит. Вместо этого она лишь больно прижала листы к груди мальчика.

– Если эта книга твоя, то тогда ей не место среди всякого хлама. Сядь и посмотри, что с ней не так, ибо она ужасна. Или же выкинь её в мусорку, если она тебе нахрен не сдалась, тогда станешь таким же бесполезным членом общества, как твой папаша.

После этого Мэй Нортон развернулась и вышла из комнаты, оставив своего племянника недоумевающим на кухне. Но вскоре недоумение сменилось злостью. Брюс не мог сказать, что ненавидит тётю Мэй, всё-таки она была его близкой родственницей, но конкретно в ту минуту она стала для него злейшим врагом на планете. «Она ужасна». Книга Брюса была прекрасна, и он взял её буквально на минуту, чтобы перечитать, насладиться, а потом избавиться навсегда, убедившись, что она превосходна.

Но изучив её повнимательнее в своей комнате, он понял, что это было далеко не так.

Если забегать немного в будущее, то можно сказать, что, когда у Брюса случилась первая публикация, мнения критиков касательно неё были довольно специфичными. Как сказали бы в среде профессиональных издателей, они были неоднозначными. Брюс же, почитав отзывы в интернете, довольно точно подметил, что мнения были откровенно херовыми.

И самое фиговое в этой ситуации заключалось в том, что критики не предъявляли претензий к логике произведения, к образам персонажей или же к развитию хода событий. Нет, «Репутацию» хвалили и за описание загадочности леса, и за двойственность главного героя, и за неожиданную развязку. Вот только выставляли этой книге только низкие оценки. Почему?

Всё банально просто. Жестоко. Жестоко, жестоко, жестоко. Брюс научился слышать эти слова от Бетти, но от этих кретинов он не был готов их воспринимать.

Они не воспринимали сюжет повести как полноценную картину, их интересовала только причина, почему писатель-дебютант позволяет себе такое количество насилия в первой же книге. В своих разгромных рецензиях критики (и почему слова «критики» и «кретины» так похожи) пытались выяснить первопричину такой кровавости. Версии

предполагались разные, от самых безобидных в стиле «Брюс Нортон так хочет заявить о себе» до вполне себе неожиданных «Брюс Нортон – шпион, призванный своим творчеством погрузить в хаос и анархию нашу любимую родину».

С одной стороны, писателю было это очень приятно. Всё же его дебют «выстрелил» и мало кого оставил равнодушным. Но с другой слава «мясника» могла сыграть ему плохую услугу в будущем. Однако Брюс не хотел на тот момент об этом думать.

Позже его всё-таки начало это раздражать. Судя по всему, люди поголовно начали изучать психологию. Иначе как ещё объяснить тот факт, что каждый его знакомый или читатель, встретившийся на улице, считали своим долгом поставить диагноз Брюсу? «Тяжёлое детство, да?». «Психологическая травма, это точно. Тебя часто били?». «Как долго ты был изгоем в своём классе?». «Скажи, почему тебя никто не поддерживал?». «Точно не изнасиловали?». «Поезд не переехал на твоих глазах лучшего друга?».

На все эти вопросы Нортон сначала старался давать шуточные ответы, в духе «Да-да, меня насиловал призрак прошедшего рождества», но потом, когда его попыталась облить святой водой какая-то женщина на улице, ему уже стало совсем не до смеха. Она искренне была уверена, что он бес. А лоб, по которому она зарядила крестом, болел ещё несколько дней.

Даже Норма, его собственная мать, спрашивала, что же

она сделала не так. И Брюс не мог сказать ничего другого, кроме как «Ничего». Ничего. Брюс Нортон просто хотел, чтобы его вечно не попрекали за насилие в его книгах. Вот только прекращать это делать, судя по всему, никто не соби-рался.

Бетти была единственной, кто не задавал Брюсу странных вопросов. Она помогла ему советами, как сделать так, что-бы «Репутация» стала объемнее и чуточку лучше, и поэтому Бетти прекрасно знала, откуда у него берутся столь долбану-тые идеи. Бетти вдохновляла его, пусть и немного не в том ключе, в котором сама хотела.

Но в определённый момент Нортон понял, что постоянно что-то отвечать ему уже попросту надоело. Он стал больше раздражаться и молчать, когда кто-то, кроме Бетти, пытался коснуться темы жестокости его книг. Они не были жестоки-ми, совсем не были. Очень тяжёло объяснить незнающему человеку, что очень часто не ты пишешь книгу, а она пишет саму себя.

Брюс мог только дать определённый толчок, создать фун-дамент своему произведению. Бралась за основу некая идея, которая позже, словно огромный снежный ком, скатывалась в полноценный рассказ или же повесть. Брюс её всего лишь переносил на бумагу, он был посредником между мыслью и готовой книгой.

К слову, романы Нортон писать практически не умел. За свои годы творческой карьеры он уже давно усвоил, что

чем больше слов – чем дороже можно продать своё творение, но раздувать из мухи слона писатель не умел. Ну вот не мог он полстраницы описывать, как выглядело дерево, под которым захотел пописать главный герой. В том числе и описывать, как играли лучики солнца на волосах персонажей, или же какая прекрасная природа окружала их. Брюс это считал бумагомаранием, и он скорее готов был съесть свою новую рукопись (хотя по правде, он уже давно пользовался компьютером для писательства, так что скорее ноут-букопись), чем тратить время своё и время своих читателей на бессмысленные описания чего-либо.

Вместе с тем Брюс Нортон просто обожал приём, часто используемый в дешёвых сериалах – заканчивать главу на интригующем месте. Следующую часть книги он посвящал совершенно другой сюжетной линии или иному событию, не давая читателям узнать, чем же кончилось дело. В этот момент он чувствовал себя настоящей сволочью и даже немного боялся, что книгу бросят читать из-за обманутых ожиданий. Тем не менее, Брюс не прекращал так делать.

Кто же мог знать, что в конечном итоге его идеи и писательские методы приведут к разбирательствам с полицией и печальным последствиям.

– Почему вы все думаете, что у меня много смерти и жёсткости в книгах?

Брюс ощутил чувство дежавю – подобный вопрос он задавал многим людям и всегда получал примерно одинаковый ответ. Можно было бы прекратить спрашивать, но ему искренне было интересно, почему спустя столько лет все продолжают считать его «мясником». Нортону приходилось удалять не менее пятидесяти гневных писем от безумных фанатов, которые угрожали повесить его за яйца за то, что главный герой не дожил до конца книги.

– Ну а что, это разве не так? Знаю, ты не любишь поднимать эту тему, но, старик, не дуйся ты постоянно в самом то деле. Ну вот я не помню ни одной твоей книги, чтобы там хоть кто-то бы, да и не умер, – Баки явно не хотел задеть своего собеседника и пытался уладить проблему.

– Рассказ «Необычный», я его в прошлом году написал. Там *окончательно* никто не умер.

– Ага-ага, но там центральный герой был бессмертным, и убивался бесчисленное количество раз. Но в конце хоть жив остался, что не может не радовать.

– Да понимаю я, что ты прав. Частично. Но у меня сам показ жестокости не является основной целью. Жестокость – это следствие того, что происходит в моих книгах.

– Но почему у тебя всегда всё так плохо?

– Слушай, говоришь, как полиция сегодня утром. Давай не будем об этом. Мне неприятна эта тема.

– Прости, я немного увлёкся, вот и подзабыл. Давай лучше ещё немного пива закажем и потрещим о твоих книгах, это ты точно любишь.

– Да, я действительно это люблю, но мне пора уже идти, Баки. Завтра мне с утра снова идти на свидание с правоохранительными органами. И уж точно не страстным минетом это всё закончится, уж поверь мне.

– Согласен, скорее тебя отымеют в задницу, – Баки ухмыльнулся, – значит, самое время просить счёт и расходиться по домам. Завтра позвонишь мне после своего «заседания» и расскажешь, как там всё прошло. Джоди, Джоди, подойди к нам, пожалуйста!

Брюсу действительно нравилось говорить о своих книгах. Но это было ещё лучше, когда рядом находилась Джоди Стэнсон. Он искренне пытался выкинуть из головы её схожесть с Бетти.

Подойдя к столику, Джоди как всегда скромно улыбнулась Брюсу, сказала: «Сейчас принесу счёт, ребят», взяла бокалы и направилась к барной стойке. Брюс всё это время беспрестанно смотрел на неё, словно видел в последний раз. Взгляд метался от её нежных ручек к шедевральным большим глазам и обратно. Что-то не давало покоя Брюсу Нортону, но он не мог точно сказать, что именно.

В который раз он хотел подойти к ней и поговорить, но сейчас было не то время. Сейчас образ Бетти так плотно засел в голове, что было бессмысленно пытаться её прогнать. Тем более, что необходимо было заняться другим делом. Попрощавшись с Баки, Брюс оставил ему немного денег, кивнул с улыбкой Джоди и вышел из бара.

Знаете, как быстро по-настоящему разочароваться в религии? Познакомиться с религиозным человеком.

У Нормы Нортон попросту не было времени (в первую очередь из-за работы и других более важных дел), чтобы посвятить сына во все тонкости религии. Бабушка Брюса, мать Нормы и Мэй, воспитывала дочерей как истинных католичек, но по факту получилась одна не очень верующая верующая и одна безумная атеистка, считающая бога муذاком за то, что он дал ей сестру-дуру и племянника-идиота. Явно не те люди, которых в рай пустят без очереди.

В поколение Брюса быть атеистом-агностиком-реалистом было модно. Никто не понимал, что это может значить, но все на словах были готовы сжечь любую церковь, чтобы доказать, что это «всего лишь здание, бога там никогда не было». Так откуда тебе это знать, если ты и в бога, то не веришь? И с каких пор стало нормальным сжигать здания?

Но не суть. Поскольку Брюс никогда и не стремился следовать за модой, то он выбрал самую выигрышную позицию для себя. Он ни в чём не был уверенным. Он не мог понять смысл фразы «найди господу в своём сердце», но и не показывал хер небесам. Мало ли что там может быть. Если даже бога там и не было, то внеземная жизнь некая явно была, иначе как объяснить появление дураков в мире? Они сто

процентов были жертвой какого-то неудачного эксперимента зелёных человечков. Как бы там ни было, идти в нападение было в любом случае глупо.

И всё же в те моменты, когда Брюсу было по-настоящему плохо, или ему чего-то искренне хотелось, он мысленно обращался к создателю. Времени это много то и не занимало, а вдруг поможет? Таким образом Нортон давал себе возможность продемонстрировать богу своё существование. Ведь если бы желание Брюса сбылось, значит, что кто-то его да и слышит.

В душе Брюса случился разлад после случая с миссис Людорф. С одной стороны, он очень сильно разуверился во всевышнем. Как можно быть таким жестоким, чтобы дать издеваться над девятилетним мальчиком без повода и без какого-либо наказания за это? Но, как это ни удивительно, Нортон одновременно и поверил в него с удвоенной силой. Ведь теперь он каждый день усердно молился, желая своей учительнице подохнуть в страшных муках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.